

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье ставится вопрос «возвращения» культурной политики и рассматривается идея преодоления сервисной, псевдорыночной концепции современного образования в сфере культуры. Автор считает важным формирование у будущих специалистов культуры свойств субъектности, экспертных навыков и личных культурных качеств, репрезентирующих требуемые культурные нормы и ценности

Актуальность темы объясняется все усиливающимся социальным дискомфортом, вызванным ослаблением объективных нормативно-ценностных (культурных) регуляторов жизни общества. Это характерно не только для России, но и для большинства других стран (мира в целом).

В настоящее время мы наблюдаем две противоположные тенденции в российском высшем профессиональном образовании специалистов культуры. Первая заключается в попытках перманентного подстраивания системы образования под складывающуюся ситуацию («требования рынка»). Данный подход обосновывается необходимостью «оперативно удовлетворять культурные потребности населения», «успевать за конъюнктурой», «соответствовать новому времени» и т. п. Суть второй тенденции – стабилизировать ситуацию, удерживать ее под контролем, придавать изменениям целенаправленный характер.

Парадоксально, но первый («рыночный», «демократический») подход постепенно разрушает систему образования, затрудняя воспроизводство педагогических традиций, формирование школ, в известной степени лишая саму систему культуры субъектности, делая ее специалистов ментально зависимыми от ситуации. Второй же подход, при внешней несовременности, позволяет образовательной системе сохраняться в качестве самостоятельного хозяйства, накапливая собственный уникальный ресурс образовательных технологий, оказывая влияние на окружающую действительность через подготавливаемые кадры.

Именно второй подход позволяет говорить о возможности осуществления культурной политики как целенаправленной, пер-

спективно (долгосрочно) ориентированной деятельности, обеспечивающей развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей. В контексте системы образования культурная политика выступает, с одной стороны, как инструмент «окультуривания» жизни через ретранслирование выпускниками профильных вузов нормативно-ценностных императивов, сформированных в процессе обучения. С другой стороны – как инструмент идейного программирования, настройки самой системы образования, как машины, производящей агентов репрезентируемой культуры.

В СССР вузы культуры относились к идеологическим вузам. После распада страны необходимость трансляции идеологии отпала, однако вместе с идеологической составляющей была в значительной степени утеряна собственно культурная. Профессия работника культуры в ее разнообразных специализациях все больше приобретала сервисный, обслуживающий характер. Из одной крайности – неприятия культурных запросов людей, неприкрытого навязывания официальных образцов культуры, политика в области культуры перешла в другую крайность – почти безоглядного следования вкусам и потребностям массы. И основным критерием эффективности работы учреждений (и специалистов) культуры, включая такие ее составляющие как электронные и печатные СМИ, досуговая сфера, стал коммерческий успех (готовность потребителя платить за оказываемые услуги). Постепенно и культурная политика стала носить, преимущественно, декларативный характер, более обозначая желаемое, нежели обеспечивая его достижение. «Сегодня

мы можем говорить о культурной политике скорее как о возможной и предлагаемой, чем как об институционально-реализуемой деятельности, – пишет О. Генисаретский. – А потому в первую очередь стоит думать об условиях вживления ее в институциональную ткань общества, о формировании спроса на нее. И об отношениях между культурной политикой и о тех культурных практиках, которые могут быть инсталлированы в некоторые локусы общественной жизни для того, чтобы культурная политика могла стать реальностью культурного процесса» [2].

В то же время, идея рассмотрения сферы культуры как транслятора тех или иных культурных норм и ценностей, а специалистов культуры как субъектов культурного процесса остается актуальной [4; 5]. И, вероятно, необходимо искать «золотую середину» между функциями обслуживания и формирования. Соответствующая граница задается не нормативными документами, а пролегает в головах специалистов культуры. Изящество соответствующего образования заключается именно в том, чтобы провести будущих работников или деятелей культуры между Сциллой коммерческого успеха и Харибдой воспитания в согражданах установок на воспроизведение оптимальных культурных норм и ценностей.

Помимо прочего, назрела необходимость дополнения культурологического образования особыми направлениями, связанными именно с формированием качеств культурного политика. Современное культурологическое образование должно иметь блок, который условно можно обозначить как проектно-прогностический. Причем по объему часов (трудозатрат) он должен быть пропорционален блоку совокупного времени, уделяемого блоку истории. Центрирующими должны быть дисциплины, в рамках которых происходит анализ настоящего. Анализ не самоценный, но осуществляемый с точки зрения пересечения (встречи) прошлого и будущего, возможных проекций.

Расширение функциональности и повышение общественного статуса культурологического образования связаны с его ориентацией (или отдельных его направлений), на подготовку попадающих в его орбиту субъектов к экспертной деятельности или роли культурных политиков. Естественно, речь не о названиях специализаций, записываемых в

диплом. Речь именно о сути профессионального образования, помогающего будущему специалисту увидеть себя в центре разнообразных культурных процессов, обрести качества субъектности, позволяющие моделировать культуросообразное будущее.

Очевидно, что культурный политик должен обладать не только широкими знаниями, но и волевыми качествами, позволяющими ему осуществлять свою миссию. Фундаментальные отличия культурного политика от иных людей и коллективных субъектов, в том числе теоретиков социальных наук, деятелей и работников культуры, заключается:

– во-первых, не только в готовности и способности создавать образ будущего, но и добиваться его материализации, воплощения в жизни. Ибо воля к действию встречается редко. Как писал Т. Лессинг, «в любом маленьком университете найдутся дюжины две ученых, которые знают о жизни и душе больше, чем Лютер, Бисмарк и Наполеон вместе взятые, и знают о Лютере, Наполеоне и Бисмарке больше, чем те сами могли знать о себе; но от этого они не стали ни Лютерами, ни Наполеонами, ни Бисмарками!» [3, с. 402];

– во-вторых, способностью «выйти» из собственной культуры, умением проникать в другие культуры, подниматься «над» культурами. Это не значит, что он изначально отвергает свою культуру, ту, носителем норм и ценностей которой является в силу своей судьбы. Вполне вероятно, что именно его культура может быть предпочтительнее других. Однако именно умение отстраниться от, казалось бы, неотделимого, способность, по крайней мере, понять (если не принять) иное во всем его мозаичном многообразии – ключевое качество культурного политика периода неопределенности. В противном случае у него просто не будет достаточного количества образцов для определения содержания новой культуры (или обоснования для поддержки существующей). Культурный политик – путешественник по разным культурам. И именно это его качество дает надежду на преодоление вечной разобщенности человечества, существующей благодаря внутренней эгоистичности локальных культур. Путешествуя по разным культурам, как турист по разным странам, культурный политик от чего-то увиденного категорически отказывается, а что-то стремится непременно заимствовать.

Еще одной проблемой, серьезно затрудняющего возможности формирования у будущих специалистов качеств культурных политиков является исторически сложившаяся ретроориентация культурологического образования. Такие объективирующие культуру характеристики как воспроизводственность, традициональность, процессность неизбежно обращали внимание культурологов, как на соответствующие механизмы, так и на транслируемое содержание. Справедливо считается, что человек должен «учиться у истории», перенося в будущее то ценное, что было создано предками. Однако совершенно очевидно, что воспользоваться наследием (шире – опытом) невозможно без ясного видения перспектив, без четкого понимания того, что хочешь создать, без понимания пользы от использования наследия в будущем (или ущерба от его утраты). Причина отсутствия результатов преодоления многих современных проблем (и не только в ведомственной «сфере культуры») в том, считает профессор Н. Г. Багдасарьян, что эти проблемы по-прежнему пытаются решить, используя в качестве инструмента мышление уходящей индустриальной эпохи. «Что еще должно произойти, чтобы стало понятно, что в границах доминирующей модели мышления мир не спасти?» задает вопрос автор, анализируя катастрофы и кризисы первого десятилетия XXI века [1].

Необходимо вырабатывать «культуру завтрашнего дня». Специалисты культуры раз-

ных профилей должны обладать умениями, навыками (обобщенно – возможностями) создания прогнозов (образов собственного будущего) разных уровней. Данная деятельность – зеркальный аналог давно апробированного изучения истории (прошлого) – позволит овладеть уже на уровне «школы» первичными навыками прогнозирования, выработать проектный тип мышления.

В этом смысле, культурологическое образование должно иметь блок, который условно можно обозначить как проектно-прогностический. Причем по объему часов (трудозатрат) он должен быть пропорционален блоку совокупного времени, уделяемого блоку истории. Центрирующими оказываются дисциплины, в рамках которых происходит анализ настоящего. Анализ не самоценный, но осуществляемый с точки зрения пересечения (встречи) прошлого и будущего, возможных проекций.

Таковыми видятся современные проблемы высшего профессионального образования в сфере культуры и пути их решения. Это видение производно от представлений о культурной политике и, соответственно, не учитывает множество других проблемных областей. Тем не менее, от решения именно названных проблем во многом будет зависеть сама методологическая конструкция данного образования, набор компетенций его получателей и их место в условной статусной иерархии профессий.

Л и т е р а т у р а

1. Багдасарьян Н. Г. Культура как среда выживания: эффект бабочки и «окно принятия решений» [Электронный ресурс] // Социокультурное развитие: аналитика, прогностика. – Режим доступа : http://hischool.ru/diskussionnyj_klub/ (Загл. с экрана).
2. Генисаретский О. Культурная политика: не сегодня, скорее завтра [Электронный ресурс] // Российское Экспертное Обозрение. – Режим доступа: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=2103&ids=157> (Загл. с экрана).
3. Лессинг Т. Шопенгауэр. Вагнер. Ницше // Т. Лессинг. Культурология. XX век : антология. – М., 1995. – С. 399–431.
4. Попов В. А. Специалист социально-культурной деятельности как субъект реализации региональной культурной политики : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05. – СПб., – 2005. – 230 с.
5. Тарасова Ю. Б. Профессиональная элита работников сферы культуры : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Ю. Б. Тарасова ; ЧГАКИ. – Челябинск, 1997. – 205 с.